

Леонид Финкель

ИУДЕЙСКАЯ БОГИНЯ

Серия «Писатели Израиля»

Леонид Финкель
Иудейская богиня. Серия
«Писатели Израиля»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993490

ISBN 9785448336409

Аннотация

Новая книга израильского литератора Леонида Финкеля рассказывает о малоизвестных, но замечательных эпизодах из жизни премьер-министра Израиля Голды Меир, а также о некоторых судьбоносных страницах истории государства Израиль.

Содержание

Иудейская богиня	7
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Иудейская богиня

Серия «Писатели Израиля»

Леонид Финкель

© Леонид Финкель, 2016

ISBN 978-5-4483-3640-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИУДЕЙСКАЯ БОГИНЯ

«Я оцениваю Израиль стратегически. Каким он будет. Это важно для моих внуков.

Сегодня сильное и как бы кому-то не казалось смешным – доброе государство. Здесь живёт много добрых людей. Всякий понедельник я езжу по службе в Тель-Авив. И вот недавно все обратили внимание на сидящую в автобусе женщину, проявляющую какое-то странное беспокойство. Оказалось, что билет она не взяла, как её зовут – не знает, куда едет – тоже не знает. И все забеспокоились. Автобус остановился. Вызвали полицию. Но полицейские, дай им бог здоровья, где-то задержались, тогда одна из пассажирок вывела женщину из автобуса и вместе с ней, бросив свой рейс, пошла в полицию... А вот и другая, с тремя детьми много раз уже бывала в Уганде. В одной деревне установила солнечные

батареи – здесь никогда не было света. В другую привезла опреснительную установку, и все жители деревни смотрели на это чудо: один конец трубки ставили в буквальное болото, а с другого конца лилась чистая вода! Никто в это поверить не мог. Вот я верю, что именно это миссия Израиля: нести добро! У нас в стране немало волонтеров. И сама страна – тоже волонтер... Вспомним землетрясение на Гаити... Настоящий взлёт Израиля – впереди... И ничего, что сегодня наша страна не сидит в «президиуме жизни». Но мы там будем...

Перефразируя проницательных людей, скажу, что «Израиль – это не вчера. Это сегодня и завтра».

«В жизни своей я прошёл все ступеньки служебной лестницы – ни одной не пропустил: служил срочную службу в Советской армии, работал монтером самого низшего разряда на телефонно-телеграфной станции, техническое образование получил во Львовском Электротехникуме связи и Политехническом институте, там же где и раньше – работал техником, старшим техником, инженером, старшим инженером, главным инженером... Окончил Московский Литературный институт им. Горького, уже в Израиле защитил диссертацию (доктор философии)...

И вот мы живём в стране, возведённой на пьедестал, и низведённую до удобных размеров. Жаловаться – грешно. Хвастаться – смешно.

С годами понимаешь, что самое важное в жизни – семья

и друзья. Где бы они ни были, но лучшие рядом с тобой.

Я люблю любить и ненавижу ненавидеть. И думаю, что семена раздора надо сеять в пятницу. А в субботу молится, чтоб они не взошли. А если взойдут, чтоб не дали урожая...

*(Из интервью секретаря Союза русскоязычных писателей
Израиля Леонида Финкеля в канун его 80-летнего юбилея)*

Иудейская богиня

*Я не всегда ошибался. История
будет добра ко мне, в частности
потому, что я намерен писать ее сам.*

Уинстон Черчилль

1

Богини вездесущи.

С юности я полюбил статуэтки обнаженных женщин с непомерно большими грудями, ягодицами и торчащими животами. Эти фигурки, с преувеличенными формами женщин с большими сроками беременности, считались Венерами эпохи палеолита.

Позже я понял, что эти Венеры являлись из моих бессознательных фантазий. Ее первичный источник – был мой детский разум.

Уже в Ашкелоне я узнал про Изиду, Ашер, Астарту. В древности в этом городе был большой храм Астарты, его разграбили скифы и понесли по ту сторону мира весть об этой богине. В скифских курганах до сих пор находят мечи, ювелирные и другие предметы из Ашкелона.

Изображение Исиды с Хордусом – и сегодня в нашем Национальном парке.

Я часто подхожу к ней...

Согласно Библии, в Египте какое-то время находилось Святое семейство с младенцем Иисусом. Некий итальянский авантюрист, которого лихорадочный спрос побудил стать археологом», с помощью лома и взрывных устройств, пролагал себе путь к сокровищам гробниц. Он без стеснения рассказывал: «На каждом шагу... мне попадались мумии и статуэтки богоматери». В качестве таких «настоящих, самых древних фигур богоматери» итальянец продал множество похищенных им статуэток, изображающих Исиду с младенцем Хором. И многие действительно считали Марию новым явлением богоматери Исиды, а Хора – младенцем Иисусом.

Боги приходили и уходили.

Исида, постоянно меняясь, оставалась.

Это она обучала женщин домашнему хозяйству. Она была великой волшебницей, чья чудная сила помогла страждущим. Обучала искусству врачевания. Когда ее супруг Осирис был коварно убит, она впервые надела одежды вдовства и своим героическим примером дала утешение скорбящим и одиноким, а ее вера о воскресении отгоняла от человека страх смерти...

На одном из римских храмов Исиды есть надпись: «Я есмь все, что существует, существовало, и будет существовать, и ни одному смертному не приоткрыть моего покрывала». Иммануил Кант заметил по поводу этого откровения: «Возможно никогда не было сказано ничего более возвышенно-

го и в более возвышенных выражениях, чем в этой надписи на храме Исиды» (Е. Вардиман, «Женщина в древнем мире», «Наука», 1990, с.28—29)

Стоил ли говорить, что, попав на археологические раскопки, я возмечтал непременно найти одну из этих богинь, которым поклонялись дети Израиля.

– Ищите женщину! – пошутил какой-то французский археолог.

И я искал. Иногда представлял, что уже держу в руках парящую женскую фигурку, с воздетыми вверх руками. Или совсем небольшую богиню с абстрактно-чувственными, как бы раздутыми формами. С каждым днем фигурки становились стройнее, моложе и, главное, загадочнее. А однажды я обнаружил заплывшего жиром идола эпохи неолита, которого после увидел в тель-авивском музее. И подумал: опять опоздал!

Быть может эти поиски так бы и продолжались, и, несомненно, я бы нечто подобное разыскал, если бы однажды мы с моей подругой Женей не сделали спектакль в жанре литературного театра исторического портрета по моей пьесе «Я – Голда». И всматриваясь в портрет этой «аидише мамы» я неожиданно для себя открыл ту Иудейскую богиню, которую так долго разыгрывала моя фантазия...

Но я представлял фигурки из камня, дерева, глины, а то была живая женщина. И позже, когда после премьеры к нам

за кулисы пришла дочь Голды – Сара и ее сын Менахем – я понял, что это как раз то, что я искал.

Конечно, рецепт бульона, который Голда Меир давала американским домохозяйкам – сплошное надувательство. Голда отвратительно готовила. Ее холодильник всегда был пуст. Дети всего голодны, с мужем Менахемом – разошлась. И чаще всего носила темные платья. Даже черные. Как вдовствующая Исида.

Многочисленные торсы, найденные в Ханаане, свидетельствуют, что их создатели уделяли главное внимание не нижней части тела, а большим грудям кормящей матери, которые поддерживаются мощными бедрами...

Из пышных грудей неземной матери капает роса, дождь и молоко. Тело матери-земли источает мед и жир...

Смотрю на ее фотографии, и кажется, вижу богиню-мать: цилиндрическое тело, расширяющееся к низу, руки, соединенные под грудями.

Изображения богинь умышленно разбивали в культовых целях. На самом деле их «приносили» в жертву» богине земли, чтобы, войдя в земное лоно, они своей могучей порождающей силой способствовали его плодородию.

Мне кажется, что все это о Голде Меир. Она всегда сожалела, что не осталась в кибуце, на земле...

Ее жертва была велика.

Иногда я бываю на горе Герцля. Могилы президентов, премьер-министров, национальных вождей. Страна малень-

кая, а могил много...

Плиты с надписью. Залман Шазар с женой. Леви Эшкол с женой. Ицхак Рабин и Лея.

Вместе жили, рядом покоятся в Святой Земле.

И только Голда – одна.

Одинокое ее надгробье. Когда придет Машиах вершить свой суд, расступятся все, пропуская детей в окровавленных гимнастерках.

И тяжело ступая, окруженная своими солдатами, спустится с горы старая женщина, так и не простившая себе их гибели...

2

Самолет совершил посадку в Москве. Шел дождь. И Голда подумала: ничего хорошего, именно так и должно быть в России.

Рухнула российская империя – Голда осталась еврейкой.

И покинула Соединенные Штаты Америки, не став американкой, хотя на английском говорила лучше, чем на иврите.

Долгое время предпочитала идиш ивриту. Сначала в Милуоки, где весь квартал говорил на идиш и, как сегодня на Брайтон Бич можно было обойтись без английского языка. Потом в Палестине. Правда, вскоре начнется война с ее родным языком идиш. И члены правительства, которые не только говорили, но думали на идиш, вынуждены будут

облагать еврейские газеты налогом, как иностранные...

В нынешнюю Россию, вернее Советский Союз она пришла не американкой. Не еврейкой – израильтянкой.

Ничего хорошего о прошлом в Российской империи не могла вспомнить.

– Папа, зачем ты запер дверь? – спрашивала маленькая Голда, – Почему ты забиваешь ее досками?

– Иди домой и спрячься под кровать...

Потом узнала, что под кровать прячутся от погромщиков. И от казаков. Но спрятаться – невозможно. Даже в пинских болотах...

Узнала и про деда Мабовича, которого в тринадцать лет забрали в царскую армию, тринадцать лет он же и прослужил там, но, будучи верующим, все годы так и не притронулся к трэфному.

Спал на деревянной скамейке. В синагоге. Подушкой часто служило полено.

Аракчеев учил офицеров, как воспитывать кантонистов: девять – забей, десятого – представь! Сколько евреев забили – не сосчитать, но десятого уже было не сбить с ног.

Мабович был десятым. Побой и упорство сделали свое дело. Не хочешь стать лакеем – стань гладиатором.

Евреи хорошо усваивали этот урок.

Знала она и про бабушку Голду, в честь которой носила свое имя. Бабушка Голда отличалась железной волей и любовью командовать. Ничто в семье не делалось без ее согласия. И что

особенно удивительно, бабка Голда клала в чай соль вместо сахара, ибо говорила она, – хочу унести с собой на тот свет вкус галута...

Голду тоже будут называть железной.

Не ошибутся.

«Железная леди»...

Это еще до Маргарет Тэтчер.

...Посланника Израиля в Советском Союзе Голду Меерсон встретил на аэродроме первый секретарь миссии Намир. Предупредил: в городе траур. Умер высокий партийный функционер Жданов и сегодня, как раз в это время – похороны. За гробом, на три шага, опережая всех остальных, идет Сталин. Вокруг стояли люди.

Проехать по Москве нельзя: милиция, внутренние войска.

В этот же день, вечером в ресторане «Арагви» собралось много грузин – все поклонники Лаврентия Бери, яркого ненавистника усопшего.

Люди Бери веселились и пили за смерть Жданова.

...Голда печально вздохнула. Еще раз вспомнила про пинские болота. Пинск особенно волновал. Там жили родственники по линии матери – персонажи истории ее жизни.

.... В 1939 году, будучи в Польше она чуть было не поеха-

ла в Пинск, но заболела. Решила: съездит в самое ближайшее время. Это было внезапное желание все увидеть своими глазами. Увидеть место, где почти вся родня погибла в Холокосте...

Но Намир, угадав ее мысли, опередил: госпожа Меерсон, в поездке в Пинск вам наверняка откажут....

В будущем так и случится...

Вообще же, все документы советской стороной были оформлены оперативно. Заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский срочно запросил министра государственной безопасности СССР В. С. Абакумова: что известно о Голде Меерсон и нет ли препятствий к допуску ее в СССР в качестве посланника?

В. С. Абакумов ответил:

«Голда Меерсон – член палестинской партии «Мапай» и является одним из ее руководителей. В 1946 году была участницей 22-го Всемирного сионистского конгресса в Базеле, выступала с обвинениями против политики английского правительства по еврейскому вопросу. На этом же конгрессе Голда Меерсон была избрана членом исполнительного комитета Всемирного сионистского конгресса и вторым руководителем политического отдела еврейского агентства.

В 1948 году на специальной сессии главного совета... Меерсон была избрана членом исполнительного комитета еврейского агентства для Палестины».

К документу было приложено выступление госпожи Меерсон на сионистском конгрессе.

Видимо потому министр В. С. Абакумов запросил украинских чекистов: что за необычайный человек Голда Меерсон? По одному документу – Мабович, по другому Меерсон, по третьему Меир. По ее словам из Киева. А слышали, из Пинска. Вроде бы не красавица, а обаятельна, как говорят мужчины: женщина, которая стоит греха...

Что за женщина?

Что за грех?

Украинские чекисты искали, искали и нашли, что по записям книг киевских синагог Меерсон Голда Мойшевна, 1898 года рождения – не значится, зато по записям указанных книг (относящимся к 1897—99 гг.) проходят Голда Шапиро, Голда Красильщик, Голда Жук и Голда-Сара Клигман. Определить, кто из указанных лиц – Голда Меерсон не представляется возможным.

Быть может, есть дополнительные данные?

Так которая из Голд?

Дальше выяснять не стали. Но тут подвернулся другой список, а поскольку беллетризация не выдерживает подлинной истории, товарищи из внешней разведки (резиденты в Италии) сообщили имена членов израильской миссии, подтвердив, что посланник, Меерсон Голда Мойшевна все же из Киева, большую часть жизни провела в США, убежденная сионистка с большим стажем практической работы. И еще –

не знает русского языка.

Что касается ее советника: он – Мордехай Ицхакович Немировский, бывший руководитель правых сионистов – социалистов в г. Одессе. В Советском Союзе подвергался репрессиям, настроен антисоветски. В Палестине с 1928—1930 гг.

Напомним нашему читателю, что супруга Намира, печально известная Ора Намир, которая в свое время «пошла войной» на новых репатриантов, но и сама сторела в том «плавильном котле», который уготовила для нас грешных...

...Еще внешняя разведка указывала, что ГОЛДА МЕЕР-СОН и НАМИР имеют персональное задание от руководства партии «МАПАЙ» – *«наладить контакт с евреями в Советском Союзе и найти путь для включения их в активную сионистскую деятельность».*

Интересно, откуда разведка выудила такие сведения?

Министр иностранных дел Моше Шарет, прирожденный дипломат, умен и осторожен, агитировать советских евреев за выезд в Израиль считал неуместным. Нельзя сказать, что Голда всегда пребывала в согласии со здравым смыслом, но она выполняла все же задания своего министра.

Будущее оказалось, что советская внешняя разведка знала, что делала.

А вообще в документе были указаны и другие действующие лица израильской миссии – как правило, люди образованные, со знанием языков, интеллигентные, все выходцы

из бывшей Российской Империи.

Накал тех дней, пыл героев так горяч, что не остыл до сих пор.

3

С 1946 года мы с матерью, ее сестрами и дедом жили в Черновцах.

...В 1946 – 1947 годах евреи – уроженцы Румынии, Польши, других европейских стран удирали от Советов, оставляли квартиры с мебелью – только бы поскорей покинуть эту, как они говорили «страшную страну».. Многие отбыли срок в советских тюрьмах... Н случайно у евреев, выходцев из Польши, было в ходу проклятие: «Чтоб тебя оккупировали немцы и освободили русские».

...Сорок седьмой – сорок восьмой учебный год был для нас с братом Ленькой в особенности трудным. Мы перешли в только что созданную 26 среднюю школу, которую почему-то по сей час называют «гвардейской». Общий двор соединял нас со школой номер 18. Это была единственная еврейская школа в городе. Там вполне могли работать родители моей жены Раисы – Клара Львовна и Золя Фаликович, она была учительница в еврейской школе в Проскуровской области, он директор...

Но их не взяли. А в следующем учебном году мы этой школы уже не застали...

Ее расформировали, как писали газеты «по просьбе самих родителей»...

Что мы вынесли из того времени?

Жить трудно, даже тошно. И потому, во-первых, надо устраиваться. То есть, как минимум закончить институт. Во-вторых, в-третьих, и четвертых: мы евреи, у нас кроме ума, взаимовыручки и терпения – никаких положительных черт нет, да и эти даны нам во вред и направлены на нашу гибель. Потому – надо делать что-то сверх того, что ожидают все.

Сделай или сдохни.

И всегда остерегайся, помни: бить жидов, легче, чем спасать Россию...

Что еще? Пожалуй – главное:

Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок...

Музыка Яна Френкеля, слова Инны Гофф, поет Иосиф Кобзон.

Здесь – это называется по – хитрому – ассимиляция. Вроде как быть мараном.

Впрочем, если тебе захочется подпрыгивать под пилящую скрипочку – пожалуйста, это наша самодеятельность, самодеятельность изгоев.

Но лучше не касаться этой темы.

И, пожалуйста, держись в тени, не ходи под фонарь, не стой под прожектором, где ты освещен с ног до головы. Во-первых, завидуют, во-вторых – там не протолкнуться...

Социализм? Запомните слова настрадавшейся писательницы Тэффи: «Социализм это такой общественный строй, при котором всем делают хорошо, чтобы каждому было плохо...»

А впрочем, жаловаться в этом мире некому. Так устроен мир.

В школе учителя были строгие. Они не хотели видеть будущее в розовых очках. Был историк, который говорил, что за окнами нас ожидает фига с маслом.

Мы смеялись.

Теперь, по прошествии стольких лет мне хотелось бы знать, кому досталось масло?

Голда въехала в советскую столицу за лихими проделками: знайте, евреи тоже что-то могут...

Она ожидала ответной реакции.

И, в сущности, дождалась ее...

4

...Такое впечатление, что в 1948 – 1949 году в Советском Союзе все совершали ошибки.

Ошибку за ошибкой.

Даже поздравительные адреса писались так, что были очень похожи на доносы.

Еще в 1938 году, первый секретарь ЦК Компартии Украины Хрущев строчил Сталину задушевные послания: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17—18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает — не более двух-трех тысяч. Прошу принять срочные меры. Любящий Вас Н. Хрущев».

Сталин ему ответил:

– Уймись, дурак.

Сказать то же Сталину — оказалось некому. Его окружали проходимцы и партийные чинуши. Разумеется, в том числе и евреи. Вот факт из интервью генерала Н. Павленко. Правда, дело было в конце мая 1942 года. Только что Резервный и Крымский фронты потерпели жесточайшее поражение. Представителем ставки здесь был Лев Мехлис, одиозная личность. Он вошел в кабинет Сталина в тот момент, когда у него находился начальник тыла Красной Армии Хрулев. Не говоря ни слова и не смущаясь присутствием Хрулева, Мехлис стал на колени. Сталин пытался отойти в сторону, но Мехлис, обливаясь слезами, пополз за ним. При этом поносил себя самыми ругательными словами, называя себя «паршивым жидом»...

Сталин, конечно, простил этого пса...

Тысячи евреев во время войны бежали из Киева, Минска, Риги, Ленинграда и Москвы, спасаясь от наступающих немецких войск. Мы уходили из горящей Полтавы, когда

немцы, в сущности, входили в город с другой стороны.

Фашисты приходили под лозунгом освобождения украинцев и прибалтов от «еврейского господства». Немецкая пропаганда работала во всю. И люди на оккупированных территориях стали захватывать дома, квартиры и прочую собственность евреев...

Когда возвратились в Полтаву, нам рассказывали, как из нашей квартиры вытаскивали все подряд, а большой портрет отца, в форме офицера Красной Армии, использовали во дворе в качестве мишени...

Один из руководителей советских органов безопасности в книге воспоминаний пишет: «Помню, как Хрущев, тогда секретарь коммунистической партии Украины, звонил Усману Юсупову, секретарю коммунистической партии Узбекистана, и жаловался ему, что эвакуированные во время войны в Ташкент и Самарканд евреи «слетаются на Украину как вороны».

...Мы тоже «слетелись».

Дед тосковал, часто пел украинские песни. Как только освободили Полтаву, стал требовать: «Хочу на родину».

И мы уехали.

Ответственный работник НКВД далее продолжает: «В этом разговоре, состоявшемся в 1947 году, он, (*т. е. Хру-*

щев – Л. Ф.), заявил, что у него просто нет места, чтобы принять всех, так как город разрушен, и необходимо остановить этот поток, иначе в Киеве начнутся погромы» (*Павел Судоплатов, Спецоперации, Лубянка и Кремль 1930—1950 годы, М., «Олма-пресс», 1999, стр.473—474*).

Можно, конечно, понять сложности городского руководства Киева, только не надо забывать, что сто тысяч евреев Киева, расстрелянные в Бабьем Яру, освободили свои квартиры навсегда.

Председатель Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс всячески старался защитить интересы евреев-беженцев в имущественных и жилищных вопросах. Министр внутренней безопасности Абакумов же стремился доказать, что попытки комитета защитить евреев-беженцев были проявлением еврейского буржуазного национализма. Письмо Абакумова отражало обеспокоенность местных партийных руководителей, которым приходилось заниматься этими проблемами...

А тут еще письма. Сотни писем в журналы, газеты, Центральный комитет – письма, предупреждающие, что в искусстве, литературе, армии действуют враги.

Возьмите издательства, если не на первых, то фактически на вторых ролях сидят евреи. Нет от них спасения! И вопрос этот серьезнее и глубже, чем может показаться. Ведь даже Константин Симонов имеет наглость называть себя русским!

Мы вас спрашиваем, русские люди, папы и мамы, какое будущее вы готовите своим детям?!

5

Полная противоположность отцу – Голда никогда никому не верила.

Она не верила, что ее, совсем неопытного дипломата могут послать в нелюбимую Москву. Не верила, что в Москве у нее получится. И в отличие от многих вообще не верила Москве.

Ей нравилась пословица Москва слезам не верит.

Она могла бы уточнить: Москва не верит не только слезам, не верит богатым, не верит бедным, в особенности не верит евреям.

А что ж в таком случае может выйти?

До последнего часа сопротивлялась поездке. Бен -Гурион настаивал. Торопил и министр иностранных дел Моше Шарет, педант, волновался: Советский Союз теперь наш друг...

Они встретились в одном из отелей Нью-Йорка. Голда была на взлете. Еще бы! Собрала в Америке на нужды Израиля такие деньги! Когда Бен-Гурион узнал об этом, был не просто потрясен, еще и озадачен: что же еще такое ей поручить?

Летом 1948 года Посол СССР в Праге сказал израильскому дипломату: «Вы, вероятно, ищите человека, чтобы отправить его в Москву. Не думайте, что он должен свободно го-

ворить по-русски или быть экспертом по марксизму-ленинизму. Ни то, ни другое не обязательно». А потом, как бы, между прочим, советский Посол спросил: «Кстати, что с госпожой Меерсон? Она остается в Израиле или у нее другие планы?»»

И в Израиле поняли, что русские хотели бы видеть «госпожу Мееерсон» главой дипломатической миссии в СССР.

Тогда Бен-Гурион и решил послать ее в Москву в качестве Посла.

– Но я совершенно не имею опыта дипломатической работы! – сопротивлялась Голда.

Она очень хотела возвратиться в Израиль. Там все только начинается. Ее друзья – у истоков их надежд, а она очутилась где-то на обочине...

Конечно, Голда лукавила. Опыт работы, даже с враждебным окружением у нее был. И немалый.

В 1947 года она поехала на Кипр. Это было время, когда англичане, как говорила Голда, слегка сошли с ума. Политику Бевина иначе как антисемитской назвать было нельзя. В это время англичане уже единодушно считали, что должны уйти с Эрец-Исраэль. В Египте, Сирии, Иордании разразились правительственные кризисы. К власти приходили новые люди. Британия была на пороге глубокого упадка. Закрывались автомобильные заводы, значительно сократились запасы продовольствия. Была ограничена подача электроэнергии

до такой степени, что погас свет в министерстве иностранных дел в тот момент, когда Эрнест Бевин принимал делегацию еврейского агентства – Бен-Гуриона и Шарета.

Бевин грубо пошутил, дескать, в освещении нет нужды, поскольку в помещении находятся израильтяне (по – английски конец слова *israelites* созвучно слову «огни») ...Евреи обиделись, а в таких случаях они знали, что делать.. В Палестине люди из еврейского подполья (ЭЦЕЛЬ), как всегда энергичные и темпераментные, высекли английского майора и пять сержантов в отместку за порку юноши-еврея...

А на Кипре в заточении находились сотни детей. Многие из них были обречены...

Комендант лагеря вообще не хотел вести переговоры с Голдой, но неожиданно получил из Иерусалима телеграмму: «Остерегайтесь миссис Меерсон, это незаурядная личность».

Она тогда решила важные вопросы.

В июне 1947 года на ее голову, что называется, свалилась Специальная комиссия организации объединенных Наций по Палестине. Комиссия должна была доложить свои предложения к готовящейся Генеральной Ассамблее ООН. Члены комиссии были весьма далекие от реалий страны и Голда, вспомнив свои профессиональные педагогические обязанности, попросту учила их истории, географии и другим наукам, чтоб они хоть как-то разобрались в том, что происходит в Палестине.

И все бы хорошо, но тут произошла известная история с «Эксокусом-1947».

«Сколько жить буду, – пишет Голда в своих воспоминаниях, – не забуду кошмарную картину: сотни британских солдат в полной боевой форме с дубинками, пистолетами и гранатами наступали на несчастных беженцев «Эксокуса», из которых 400 – беременные женщины, решившие дать жизнь своим детям в Палестине. И не забуду отвращения, узнав, что этих людей перевезут, как животных в клетках, в лагерь перемещенных лиц, находящиеся в стране, ставшей символом кладбища для европейского еврейства» (*«Голда Меир, «Моя жизнь», Чикмент, «Аурика», 1997 г., стр.251*)

Тогда у нее не было возможности изменить судьбу «Эксокуса», но ее эмоциональное выступление на митинге Национального комитета запомнилось многим...

А через два дня после создания Государства она убедила Бен-Гуриона, что только она одна сможет добыть в США деньги. Министр финансов Каплан рассчитывал максимум на 5 миллионов, что было бы неплохо. Бен-Гуриону нужно было 25—30 миллионов, и он хотел, чтоб американцы осознали всю серьезность положения. В общем, сам собирался ехать. В конце концов, потому и стал вождем, что никогда ни на кого не надеялся. Ну, в крайнем случае, взять с собой министра финансов. Голда одержала победу и в легком весеннем платье, с дорожной сумкой в руках полетела в Нью-Йорк. В ее сумке лежала одна десятидолларовая бумажка...

Таможенный чиновник спросил:

– И на эти деньги вы собираетесь жить в Америке?

– У меня здесь семья, – ответила Голда.

Она сотворила чудо, на которое никто не рассчитывал. Случилось небывалое, ей давали деньги наличными. Она привезла в Палестину пятьдесят миллионов долларов – это было в десять раз больше суммы, на которую рассчитывал министр финансов Элизер Каплан, и вдвое больше того, на что надеялся сам Бен-Гурион.

Бен-Гурион лично встретил Голду в аэропорту Лод.

– Когда будут писать историю нашего времени, – сказал он торжественно, – летописцы отметят, что еврейское государство появилось на свет благодаря этой женщине...

Голда была счастлива.

И еще одна встреча была одной из важнейших в ее жизни. Накануне вторжения арабских войск она встретила с королем Трансиордании Абдаллой.

Впервые с Абдаллой Голда познакомилась в Нахараиме в начале ноября 1947 года, незадолго до Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. И географическое и политическое и сословное расстояние между ними было огромным. Он король, род его восходит к пророку Мухаммеду, она дочь плотника, глава политического отдела Еврейского Агентства, в общем, не существующего пока государства.

Встреча проходила тайно, в доме электростанции, при-

надлежащей одной из палестинских компаний. Сошлись они, прежде всего на том, что каждый хочет мира и что у них есть общий враг – иерусалимский муфтий, хадж Амин эль-Хусейн.

У муфтия были старые счеты с королем Абдаллой.

Не станем распространяться о них.

Хвала Богу, что были...

И Голда собиралась напомнить Его Величеству, что он останется один на один не только со своими арабскими недругами. Но и с не потопляемым муфтием.

В первую их встречу, глядя на женщину в чадре, он сказал, что всегда являлся верным другом евреев, что, спустя сотни лет, они пришли на эту землю, чтоб зажечь не только светоч мира на востоке, но и стать основателями новой цивилизации.

Он?

Воевать с евреями?

Помилуйте!

Он дает слово не просто бедуина, но трижды бедуина.

И еще короля!

Он?

Обманет женщин?...

Никогда!

Правда, тогда Голда сильно выкручивала ему руки: а вдруг обманете, Ваше величество?

Сейчас положение было куда хуже. Бен-Гурион посылал Голду с ответственным заданием: выяснить планы короля. Его Арабский легион, выпестованный англичанами – лучший в арабском мире, если он вступит в войну – хорошего евреям ждать нечего...

Три часа мчалась Голда на встречу. Её и спутника, Эзру Данина, крупного специалиста по арабскому Востоку провели в уютно обставленную гостиную.

Поднесли ароматный чай.

Наконец явился король.

– Шалом! – поднялась Голда.

– Салям! – ответил Абдулла тем же.

– Хорошо доехали? – поинтересовался король.

– Отлично! Несколько раз стреляли, пули попадали в окно, но все мимо...

Абдулла печально покачал головой...

– Повремените с созданием государства. Чем вас не устраивает объединенная под моим правлением Палестина? Евреи будут иметь свою автономию. Будет общий парламент – евреи и арабы в равном числе станут его представителями. Если вы не согласитесь... Ох, госпожа Меерсон, кровь на Востоке уже давно дешевле воды...

– Мы хотим иметь собственную страну, но готовы на компромиссы. Готовы уважать границы, намеченные Организацией Объединенных Наций. Но только в том случае, если царит мир. Вы понимаете, что война все изменит...

Король опять печально промолчал.

– Конечно, конечно, евреи вынуждены будут защищаться.

Но сейчас положение осложнилось. Вы не можете игнорировать ваши безумства в Дейр-Ясине...

– Никаких безумств не было. Ваше величество. Могли быть ошибки неопытных командиров. Всю информацию о событиях в Дейр-Ясине мир получил из арабских уст. От людей, которые были возбуждены и только что избежали смерти. Ваше Величество знает, как увлекается и как преувеличивает рассказчик-араб, когда он занимается повествованием. У вас замечательный язык, Ваше Величество, он точно предназначен для метафор и гипербол. К сожалению, наш язык в этом отношении беднее...

– Положение сейчас трудное. Имейте терпение.

– Вы считаете, что две тысячи лет недостаточны для терпения?

– Мне очень жаль... Прольется кровь... Политика подобна шахматной игре. Нельзя необдуманно расставлять фигуры...

– У нас нет сомнений в нашей победе... Этого хочет не только наш народ, этого хочет Бог. Пришел и его час... А Вы знаете чем кончается Божье Провидение...

– Ваше Величество, – неожиданно вступил в разговор Эзра Данин. – Я вам дам один совет. Воспримите его как совет друга.

– И что за совет?

– Не стоит подпускать к себе близко толпу. Не стоит позволять целовать края Вашей одежды...

– Я бедуин и свободный человек. Я не могу людям отказать в праве соблюдать обычаи своих отцов...

– Просто в вас могут выстрелить или ударить ножом... Хотелось бы избежать этого горестного для мира события...

Потом присутствующие пожали друг другу руки.

Спутники пошли к машине.

Голда обернулась.

Король стоял на крыльце и махал рукой.

Долго стоял.

Пока машина не скрылась в переулках улиц.

Короля и убьют.

Точно, как предсказал Эзра Данин.

В 1948 году Абдалла поинтересовался, где сейчас госпожа Меерсон?

Ему ответили: посланник Израиля в Москве.

Он вспомнил, как она выкручивала ему руки, и сказал: Аллах велик – пусть там и остается...

6

Положение евреев в Иерусалиме в первые месяцы 1948 года казалось безнадежным. Арабы удерживали в своих руках ключевые пункты (высоту Кастель с развалина-

ми рыцарского замка на вершине): они захватили горы, господствующие над городом, за исключением горы Скопус, где одиноко высились корпуса Еврейского университета и больницы «Хадаса». Арабы контролировали все главные шоссе, в том числе Тель-Авив – Иерусалим, спускавшееся к приморской еврейской полосе, от него зависело снабжение Иерусалима продовольствием и вооружением. В течение февраля лишь двум транспортам удалось миновать узкое и скалистое ущелье, по которому вьется шоссе, поднимающееся из долины в Иудейские горы – место идеальное для засад: над дорогой высятся поросшие лесом крутые горы, усыпанные валунами, грозящими обвалами.

Когда я спросил пожилого человека, участника тех событий про эту дорогу, он сказал:

– Какая дорога? То было настоящее кладбище для нас шоферов и машин...

Надо себе представить перевернувшиеся бульдозеры, грузовики, лежащие вдоль дороги, Из кабины на асфальт стекает тонкая струйка крови. Кузов, объятый пламенем, которое уже подбирается к бензобаку...

Нетрудно вообразить и ликующих арабов: феллахи объедались консервами, которые с таким нетерпением ожидали в голодном Иерусалиме...

К концу марта арабам удалось окончательно закрыть шоссе. Сто тысяч еврейского населения Иерусалима были обречены на голод.

Выбора не было. Надо было наступать.

Операция «Нахшон» (кодовое название) началась в ночь с 5 на 6 апреля. В эту ночь прошел первый транспорт, наутро достигший Иерусалима

Здесь и суждено было родиться основному уставному приказу израильской армии: **«Рядовые отходят, командиры прикрывают».**

7

Историк Михаил Штереншис справедливо заметил: постепенно при почти полном невмешательстве англичан в стране началась гражданская война, которая велась без всяких правил.

Раздел Палестины на арабское и еврейское государства, в сущности, не устраивал никого. Менахем Бегин мрачно заявил, что государства создаются не голосованием, а штыками. Бросив взгляд на еврейское государство без Иерусалима и Хайфы, он сказал:

– Зачем нам маленький изувеченный Израиль без земли. Без воды, без свободы и без будущего.

Ему возражали:

– Бить надо англичан. Арабам просто задурили головы.

Бен-Гурион тоже не соглашался с Бегином: он сепаратист.

Командиры разных соединений совершенно ни в чем не могли найти согласия друг с другом, и ругались по каждо-

му поводу – полная картина Иудейской войны и осады Иерусалима Титом.

Уже через четыре дня, те из арабов, которые решили мстить подкараулили еврейский конвой, направляющийся в иерусалимскую больницу Хадасса, и убили 78 врачей и медсестер.

В этом бою погиб и жених Раананы, дочери Бен-Гуриона...

...А Голда всеми помыслами стремилась в Израиль.

Но дело было решено. И Голда приняла приказ Бен-Гуриона и ответила Шарету согласием.

Бог видимо, не хотел этого решения. Возвращаясь со встречи с Шаретом, Голда в машине задумалась и очнулась только тогда, когда услышала скрежет колес, звон разбитых стекол... Машина врезалась в другую машину, впереди стоящую... Голда сломала ногу.

Положение осложнилось тромбозом. И она снова и снова думала, что, не хотел Всевышний этой ее поездки, не хочет, и все она делает вопреки своей воле, подчиняясь воле Бен-Гуриона.

...Тем не менее, свое пребывание в больнице она хотела использовать для изучения информации о Советском Союзе, о Москве. Она уже знала, что еще в январе погиб в автомобильной катастрофе Михоэлс. Догадывались ли что

не погиб? Скорее, не задумывались над этим. Все больше и больше нарастало желание использовать поездку для встреч с советскими евреями, желание убедить их совершить алию на родину предков, такой шанс дается только раз в жизни, тем более в страну, которая только что заявила о своем рождении.

Позже Голда очень полюбит анекдот: «Две тысячи лет евреи ждали своего государства. И надо же, чтоб дождался именно я...»

Наконец, она улыбнулась. Она прибыла в Москву в дождь. Пусть так. В России говорят, это к удаче.

Теперь трудно сказать так ли это...

В ее одеянии хорошо было открывать новый кибуц.

На вручение верительных грамот она надела черное длинное платье с рукавами. И украшение из нитки жемчуга ценной... 10 долларов.

Откуда ей было знать, что советская высшая знать вела иной образ жизни.

К тому времени министр безопасности Виктор Абакумов уже сделал обыск в домах у маршала Жукова и доложил Сталину, что они похожи на сказочные пещеры Алладина. Что правда, в его доме не нашли ни одной советской книги.

Грабеж среди советских военных высшего ранга достиг апогея. Маршал авиации Голованов разобрал загородную виллу Геббельса и перевез ее по воздуху в Москву.

Квартира самого Абакумова напоминала современный европейский каньон. Английский историк утверждает, что он грабил «с экстравагантностью Геринга» и даже вывез немецкую киноактрису, таинственную Ольгу Чехову, любимицу Гитлера, с которой у него, говорят, был роман.

Соперник Абакумова по МГБ, генерал Серов украл корону короля Бельгии.

Даже дачу Сталина в Потсдаме обокрали...

Королем портных был, разумеется, еврей.

Еврея звали Лернер.

«Клиенты платили только в тех случаях, когда хотели этого и сами спрашивали цену, – объяснял Сергей Микоян. – моя мать всегда платила, а Полина Молотова – нет»...

Жена большого чиновника, светская львица, примеряя какую-то особенную шубку, поинтересовалась у подруги:

– В этой шубке я не очень похожа на еврейку?

...А Голду, в очередной кинохронике увидели советские евреи.

Некоторые приходили в кинотеатр по несколько раз, приходили заранее, чтоб не опоздать на киножурнал.

После вручения верительных грамот все убедились, что Израиль уже не легенда. Не сказка, – реальность.

Смотрели кинохронику и в Израиле.

Когда сияющая Голда шла навстречу Председателю Президиума Верховного Совета Швернику, весь зал заорал: «Голда шелану!» («*Наша Голда!*»)

Жаль, не узнаем о ее впечатлении...

Воспоминания Голды о тех днях удивительны. О большем, быть может о главном, она скорее умолчала, чем сказала. Ни одного упоминаний о Москве, ни одного московского пейзажа – а она ведь не просто ходила по улицам, в Москве была дороговизна и она организовала жизнь по образцу кибуца. Значит, надо было ходить на рынок. Встречаться с людьми. Как-то реагировать на них...

Ничего этого в книге воспоминаний нет.

Была ли она хоть раз в театре? Известно, что была. 16 сентября большая толпа встречала Голду Меир на Малой Бронной, возле Еврейского театра. (*«Звенья», исторический альманах, Выпуск 1, Прогресс Феникс, М., 1991*)

«Появление Голды и всей делегации в зрительном зале встречают бурными овациями. В антракте она ведет непринужденные разговоры на идиш. Затем, узнав, что театр распространяет билеты в форме абонементов (*Еврейский театр в 1948 г. лишили государственной дотации Л.Ф.*), покупает некоторое количество абонементов и поручает передать их неимушим» (*Алла Зускина-Перельман, «Путешествие Вениамина» (Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина), Изд-во «Гешарим», Москва-Иерусалим, 2002, стр.320*)

Когда Бен-Гурион в 1923 году побывал в Москве, он чуть ли не первым делом бросился в «Габиму». Он увидел

надписи на иврите «Габима» и «Ха-купа» и его охватило необычайное чувство чуда из чудес. Спектакль его покориł и он был вне себя от восторга, охватившего тогда его ум и сердце. (Из «Дневника» Бен-Гуриона, Соня Чеснина, Леонид Финкель, «Этюды о Тель-Авиве», 2004 г.)

У Голды о спектакле – ни слова. Разве что 4 января 1949 года на пресс-конференции для узкого круга работников «Джойнта» (человек сорок), госпожа Меерсон сказала, что «еврейский театр в Москве очень плохой».

И хотя не было уже Соломона Михоэлса, и новый художественный руководитель театра Вениамин Зускин был в это время (15—16 сентября) на операции аппендицита – было ли это так, как оценивает Голда?

Конечно, артисты не могли не понимать, что их ждет, страх сковывал их, они – стадо без пастуха – готовились к худшему. Играть в таком состоянии проблематично...

А может быть, продажа абонементов произвела жалкое впечатление?

Возвращусь к мемуарам.

Встречалась ли хотя бы с одним, кроме жены Молотова, членом Еврейского Антифашистского Комитета?

Что ей понравилось?

В конце концов, чему научилась?

О том, какой мебелью и как обставляли израильское посольство, она говорит куда подробнее.

Она по-прежнему никому и ничему не верила.

И у нее по-прежнему была одна пламенная страсть – вывезти из СССР побольше евреев...

Между тем, мне попала уже наверняка забытая книга доктора Джеффри Мартина и Натана Герцля «Слабость к России» (Израильские левые и русское еврейство), изданная в Тель-Авиве.

Авторы книги настаивают, что левые правительства (все, без исключения) никогда не хотели ставить вопрос о положении евреев в СССР. А в то время министр иностранных дел Моше Шарет считал, что «отношения между Израилем и СССР являются отношениями между двумя государствами и ни одному из них не позволено каким-либо образом вмешиваться во внутренние дела другого. Не думаю, что вопрос об освобождении заключенных сионистов может стать одним из первых пунктов повестки дня».

Неудовлетворенные ответом Моше Шарета поборники иной постановки вопроса (лидеры группы «Маген») в августе 1948 года напрямую обратились к Голде Меерсон. «Г. Меир объявила, возможно, несколько театрально, что она сделает все, что в ее силах, чтобы помочь советским евреям. Но, дескать, одно дело слова, другое дела.

«На пресс-конференции, проведенной накануне отъезда в СССР, Г. Меир заявила, что ее цель – «развитие отношений между Израилем и Советской Россией», ни словом не обмолвившись о тяжелом положении советского еврей-

ства. По прибытию в Москву новый посол повторила, что ее цель «развитие отношений между Россией и Израилем», а во вторую очередь «рост торговли между двумя странами». Вопрос о советском еврействе не был включен в повестку дня» (*Д-р Джефффри Мартин, Натан Герцль, Слабость к России (израильские левые и русское еврейство», Иерусалим, 1996)*

Видимо, пока еще Голда помнила наставления Моше Шарета: дипломат это человек, который дважды подумает, прежде чем ничего не сказать...

Тем более, что в конце 1948 года Госдепартамент направил в Иерусалим своего человека, чтобы выяснить – не стал ли Израиль «красным государством»....

А Шарет действительно постоянно демонстрировал полное отсутствие интереса к положению советских евреев.

Посол Израиля в США и ООН Аба Эвен только и делал, что давал расплывчатые обещания.

Помощник Голды Намир был достаточно осторожным, чтоб не сказать боязливым (впрочем, Залман Шазар, которого Громыко не захотел видеть в качестве израильского Посла в СССР именно так и сказал про Намира – «боязливый», осмелел он только тогда, когда буквально зубами вырвал семью своей сестры из Советского Союза).

Но Голда действовала иначе. Во всяком случае, в тот период.

...Вообще, 1948 год оказался если не роковым, то возможно самым трудным в жизни многих людей.

1948 год в Иерусалиме ли, в Москве – все предметы вырастают до небывалых размеров. И в Москве и в Иерусалиме холодно. В Иерусалиме – огромные

очереди за керосином – хоть немного надо было согреться.

Без особой нужды на улицы не выходили: город простреливался насквозь.

Не было воды.

Появилась новая профессия – водовоз. У цистерны выстраивались длинные очереди горожан.

По городу била иорданская артиллерия. Снаряды часто накрывали очередь...

Город был на грани голода. Евреи в осаде варили суп из дикорастущих корней...

А Тель-Авив и тогда был очаровательно легкомыслен. В кафе «Штрох» подавали омлет с зеленым салатом. Можно было взять баночку сметаны. Здесь назначали друг другу свидания. Отсюда собирались в кино...

Молодежь воевала. Родину и правду готовы были защищать любой ценой...

История не имеет аналогов тому, что в те годы происходило в Израиле. С 1949 по 1950 год население страны удвоилось. Это тот случай, когда факты затмевают воображение.

В 1949 году 25000 европейских евреев приехали из кипрских лагерей. Надо было видеть эти лагеря, симметрично расставленные слепые, без окон бараки. Все молчит, и день ползет вдоль лагерных дорожек от барака к бараку.

75000 прибыли из немецких и австрийских лагерей перемещенных лиц. Один из них, бывший узник Освенцима рассказывал: бывает так, припадет несчастный к краю своей нары, остервенело, яростно кусает доски, и зубы, страшно торчащие изо рта, крошатся и падают с легким стуком на твердую землю, утопанную тысячами ног. А он, уже совсем беззубый, кусает доску, кусает пустой челюстью. Прошло четыре года со дня освобождения, а он ни разу в зеркало на себя не смотрел. Только глубокой ночью просыпается от ночного сна – от страшного внутреннего крика – кому-то кто-то вонзил в ногу клыки и выкусил кусок икры...

Можно ли было в таком состоянии строить новое государство, поднимать дороги, возводить дома и сражаться с арабами, у которых было одно желание: сбросить евреев в море?

Известие о создании еврейского государства вызвало иммиграцию из Шанхая, Марокко, Туниса, Алжира, Ирана, Ирака, Йемена.

«Вообразите себе неграмотную женщину из Ливии, Йемена или пещер Атласского хребта, которую вместе с детьми сунули в открытую всем ветрам и дождям палатку с польскими и чешскими евреями, которые готовят не так, едят то, от чего ее тошнит, и по ее представлению, даже и не евреи

вовсе – не то неверующие, не то соблюдают другие обряды и молятся по-другому» (Голда Меир, «Моя жизнь», с.317))
Здесь были люди не только из разных, более чем семидесяти стран – из разных веков! При этом энтузиазм евреев был намного выше их возможностей... Борьба за жизнь. Борьба со смертью. Девятерым удается спасти свои жизни смертью десятого... Жизнь билась вокруг, но не собиралась исчезнуть...

А в Москве радость победы с ее бесшабашным фронтовым братством и широтой души уходила в прошлое. Люди становились серьезнее и мрачнее.

6 марта 1946 года в газете «Вечерняя Москва» появилась заметка под заглавием «Черная кошка». Речь шла о жестокой банде с таким названием. В преступной среде название пользовалось большой популярностью. В черных кошках было что-то странное и мистическое. Черная кошка непроницаема. Только желтые глаза горят странным светом.

Неизвестность рождала страх.

Война сильно подействовала на психику женщин. То и дело совершались страшные преступления...

А учительница рассказывала нам про чеховскую «Каштанку».

Каштанка выражала протест против эксплуатации ее цирковым мастером. По мнению учительницы – Каштанка была маленьким агитатором за свободу личности...

Чехов, конечно, не смог бы себе такого представить...

Илья Эренбург считал 1948 год самым тяжелым в его жизни.

По мнению кинорежиссера Михаила Рома, на это время «пришелся наиболее тяжелый этап сталинизма».

Известный литературовед и философ В. Г. Адмони вспоминал о периоде борьбы с безродными космополитами: „Встретившись в один из дней этой страшной полосы в книжной лавке писателей, мы с Исааком Григорьевичем Ямпольским одновременно сказали: «Помните осень 1941 года? Бомбежки? Как спокойно было тогда жить» («Сталин и космополитизм», стр15)

13 января газеты поместили портрет Соломона Михоэlsa в траурной рамке: «Советский театр понес большую утрату. Умер Соломон Михайлович Михоэls... Смерть вырвал из наших рядов...»

Никаких подписей важных лиц (Сталина и других) под некрологом не было.

Актриса Этель Ковенская рассказывала мне, что, выступая на митинге в театре, непроизвольно крикнула: «Убили, убили!»

Гитлер говорил: чем чудовищнее ложь, тем скорее тебе поверят. Рядовые люди скорее верят большой лжи, чем маленькой. Это – повторял Гитлер – соответствует их примитивной душе. Они знают, что в малом, они и сами способны солгать, ну а уж очень сильно солгать они постесняются. Большая ложь даже просто не придет им в голову. Вот по-

чему масса не может себе представить, чтоб и другие были способны на слишком уж чудовищную ложь. И даже когда им разъяснят, что дело идет о лжи чудовищных размеров, они все еще будут продолжать сомневаться, и склонны будут считать, что, вероятно, все-таки здесь есть доля истины...

Даже после смерти и разоблачения Сталина и его подручных люди продолжали верить гигантской лжи, которую с ними сотворили.

Я и в Израиле встречал множество людей, которые знали страшные тайны тех лет, но боялись рассказывать о них... Бояться и сейчас.

В своих записках Шепилов вспоминает, как однажды Сталин подошел к нему и пристально посмотрел в глаза: «...никогда еще не доводилось видеть такого грозного взгляда. Его глаза, казалось, обладали какой-то невероятной силой. Желтые зрачки приковали меня к месту, как... кобра, которая готовилась к атаке». Скорее тигр. Или как его назвали: хромой тигр...

Точно черная кошка пробежала стране дорогу. Зощенко говорил, что для писателя страх – потеря квалификации. А для любого другого человека?

Чиновники, прокуроры и генералы МГБ, их куртизанки, дворники... Все «стучали друг на друга». Так же, как в конце тридцатых в стране пышным цветом расцвело доноительство...

А уж как следили за иностранными дипломатами, за каж-

дым шагом израильского Посла – видно из документов.

Не спали спокойно и члены Политбюро. Берия признавался жене: «Если б ты знала, как я устал, – жаловался он. – Я сплю урывками, как охотничья собака...».

В 1948 году у Сталина появились признаки старческой дряхлости. Но на своего личного врача Виноградова прикажет надеть кандалы...

Боялся, отравят...

За семь месяцев, что Голда была Послом в Москве, она возвращалась в Израиль дважды:

«...и каждый раз с таким чувством, будто возвращаюсь с другой планеты. Из огромного холодного царства всеобщей подозрительности, враждебности и молчания я попадала в тепло маленькой страны – все еще воюющей, стоящей перед огромными трудностями, но открытой, преисполненной надежд, демократической и моей собственной – и каждый раз я отрывалась от нее с трудом...» («Голда Меир, *«Моя жизнь»*, 309)

8

Вручение верительных грамот прошло спокойно. Шверник отсутствовал. Голду принял его заместитель. Голда нервничала. Но после официального представительства состоялся прием в ее честь, скромный, но, в общем-то, приятный. И она успокоилась...

Вопрос о советских евреях был острым, но не являлся главным предметом забот дипломатического персонала, хотя и у многих из них были родственники, которые томились в советских тюрьмах...

Бялик жаловался? Что говорил? Наша пресса «не выполняет своего главного человеческого и еврейского долга, когда дело касается сотен тысяч советских евреев? Ее обязанность – выступить против равнодушного отношения к нашим братьям»?

Он поэт, а не дипломат. У него эмоции... – отвечали чиновники.

Голда ходила по гостиничному номеру и все время оглядывалась. Коллеги из других посольств предупредили ее, что все разговоры прослушиваются. Они с Намиром несколько раз разыскивали микрофоны в своих комнатах, но ни разу их не обнаружили.

...Огромные комнаты с люстрами. Длинные бархатные занавеси. Тяжелые плюшевые кресла. В одной из комнат – даже рояль. Но на каждом этаже, – как будет вспоминать Голда, строгая немолодая дама, «которой полагалось сдавать ключи при выходе, но, по-видимому, главным ее делом было доносить госбезопасности о посетителях...»

С самого начала Голда решила, что ее комнаты будут открыты для людей, что к ней будут заходить на чашку чая, как это водится в любой стране. Приходили журналисты, приходили евреи и неевреи из других посольств, приходили за-

езжие еврейские бизнесмены... «Но русские – вспоминает Голда – никогда. И ни разу, ни разу – русские евреи».

Жилось сотрудникам посольства трудно. Они могли только раз в день обедать в самой гостинице – встречать шаббат. А для завтраков и ужинов Голда, стремясь уложиться в тот же бюджет, продукты доставала сама.

В каждый номер купили по электроплитке. По одной на каждый номер. Пытались купить ножи и вилки в магазинах – оказалось дефицит, потому одолжили в гостинице.

Два раза в неделю сотрудники посольства шли рано утром на рынок, покупали продукты и укладывали между двойными рамами окон, чтоб они не портились...

Молчание – английский способ беседовать, – сказал кто-то из сотрудников, намекая на микрофоны. Но они спорили до хрипоты: кто они теперешние евреи СССР? Какие они? Что еврейского в них осталось?

Они уже слышали некоторые признания, что люди живут двойной жизнью – сидят на работе, а мысленно в своем еврейском Государстве. Что самое главное – это то, что происходит именно там. Конечно, для кого-то и Биробиджан стал «Красным Сионом». Но ведь это сказка, созданная декретом. Например, Калинин считал, что еврейской культуре лучше всего развиваться в Биробиджане и еврейским писателям нужно дотянуть литературу именно до тех мест...

Посольские сколько не спорили мысленно с Голдой, Шаретом или Бен-Гурионом – не могли согласиться.

«Положение сложилось трагическое, – пишет Голда в «Воспоминаниях», – члены миссии, имевшие в России близких родственников – братьев, сестер, даже родителей, – все время терзались, не понимая, можно ли им увидеться с теми, о встрече с которыми они так мечтали, ибо, если это откроется, что у них есть родственники – израильтяне, это может закончиться судом и ссылкой.

Трудная то была проблема: бывало, мы несколько дней подряд взвешиваем «за» и «против» – должен ли Икс встретиться со своей сестрой, надо ли принимать продукты и деньги старой больной матери Игрека – и, как правило, приходили к выводу, что это может причинить им вред и ради них же лучше не предпринимать ничего. Были, конечно, исключения. Но я и сегодня не решаюсь о них написать, потому что это, может быть, опасно для евреев, все еще находящихся в России... был 1948 год, время нашей, так сказать, «первой любви», и нам было очень трудно понять и принять систему, в которой встреча матери с сыном, которого она не видела тридцать лет, да который, к тому же, член дипломатического корпуса и «персона грата» в Советском Союзе приравнивается к государственному преступлению» (*Голда Меир, «Моя жизнь», Чикмент, «Аурика», 199, стр.301*).

В общем, все знала, все понимала и все же решилась на отчаянный поступок. Предупредила раввина Шлифера, что надеется посетить субботнюю службу. Осталось ли это в тайне от МГБ или нет – неизвестно. Но все действительно получи-

лось как бы случайно. Тем более, что рав Шлифер первый нарушил правила игры. Произнес благословение и пожелал доброго здоровья не только членам правительства, но и Послу Израиля. Естественно, все при полном молчании стали искать глазами Посла.

Только отошла она от синагоги, как некий старый человек дал ей знать, что хочет сказать несколько слов: «Я пойду вперед, а вы за мной».

Могла быть и провокация, но Голда, человек неробкого десятка пошла за стариком. Он повернулся к ней лицом и совершенно неожиданно для Голды прочел благодарственную молитву: «Благословен Ты Господь Б-г наш, Царь Вселенной, за то, что сохранил нас... и дал дожить до этого дня»...

И исчез. Как невидимка, оставив Чрезвычайного и полномочного Посла с открытым ртом...

Ее детство, проведенное так давно в России, было для нее мертво. Ее интеллекту было не под силу вернуть его. Но она вдруг почувствовала, что ее внимание приковано к чему-то более важному. Она еще не знала, что это, но ощутила, как в глубине ее существа вздрогнуло, оживая прошлое, которого она не узнавала...

8

Пусть простит меня читатель за слишком длинную выдержку из ее воспоминаний. Здесь грех что-то придумывать,

а напомним надо, хотя почти любой из нас знает все произошедшее тогда наизусть. Многие фотографировали ту новогоднюю толпу. Фотографию размножили в сотнях экземпляров. Брали свое изображение в кружок, вообще как-то выделяли. Уже в Израиле репатрианты из России показывали Голде эту фотографию. Гордились ею. Автором знаменитого снимка был восемнадцатилетний Давид Хавкин. В своих позднейших воспоминаниях он писал:

«Фотографировать было не трудно. Сложнее распространить фотографию, ведь распространение – это самое страшное преступление по советским законам.

Возле синагоги всегда стояли свахи, торгаши и прочие. Я выбрал одного торгаша, заинтересовал низкой ценой, и он согласился. Подготовил первую пачку фотографий, принес ему, и они разошлись как семечки...

Самым знаменательным для меня был тот день, когда пришел отец, созвал семью и показал нам эту фотографию, которую он приобрел около синагоги. Никто не знал, что я сделал этот снимок, и это был один из самых радостных дней моей жизни» (*Феликс Кандель, «Книга времен и событий», т.6, «Гешарим», Иерусалим-Москва, 2007, с.129*)

В 1948 году в СССР в советской печати была опубликована и фотография вручения Голдой верительных грамот. Пожелтевшую от времени газету не раз встречал в Израиле. Сохранили. Значит, было особенно дорого...

Но вот страницы, в которых Голда описывает тот день:

«...улица перед синагогой была неузнаваема. Она была забита народом. Тут были люди всех поколений: и офицеры Красной Армии, и солдаты, и подростки, и младенцы на руках у родителей. Обычно по праздникам в синагогу приходило примерно сто-двести человек – тут же нас ожидала пятидесятитысячная толпа. В первую минуту я не могла понять, что происходит и даже – кто они такие. Но потом я поняла. Они пришли – добрые, храбрые евреи, пришли, чтобы быть с нами, пришли продемонстрировать свое чувство принадлежности и отпраздновать создание государства Израиль. Через несколько секунд, они обступили меня, чуть не раздавили, чуть не подняли на руках, снова и снова называя меня по имени. Наконец, они расступились, чтоб я могла войти в синагогу, но и там продолжалась демонстрация. То и дело кто-нибудь на галерее для женщин подходил ко мне, касался моей руки, трогал или даже целовал мое платье. Без парадов, без речей, фактически – без слов евреи Москвы выразили свое глубокое стремление, свою потребность участвовать в чуде создания еврейского государства, и я была для них символом этого государства. Я не могла ни говорить, ни улыбнуться, ни даже помахать рукой. Я сидела неподвижно, как каменная под тысячами устремленных на меня взглядов...

Служба закончилась, и я поднялась, чтоб уйти, – но двигаться мне было трудно... Такой океан любви обрушился на меня, что мне стало трудно дышать; думаю, что я была

на грани обморока. А толпа все волновалась вокруг меня. И люди протягивали руки и говорили «наша Голда» и «шалом, шалом» и плакали...

Две фигуры из всех я и теперь вижу ясно: маленького человека, все выскакивающего вперед со словами: «Голделе, лебен золст ду, Шана това» (Голделе, живи и здравствуй, с Новым годом!) и женщину, которая только повторяла: «Голделе! Голделе!», улыбаясь и посылая воздушные поцелуи.

Я не могла бы дойти пешком до гостиницы, так что, несмотря на запрет, евреям ездить по субботам и праздникам, кто-то втокнул меня в такси. Но такси тоже не могло сдвинуться с места – его поглотила толпа ликующих, смеющихся, плачущих евреев.

Мне хотелось хоть что-нибудь сказать этим людям, чтоб они простили мне нежелание ехать в Москву, недооценку силы наших связей. Простили мне то, что я позволила себе сомневаться – есть ли что-нибудь общее между нами. Но я не могла найти слов. Только и сумела я пробормотать, не своим голосом, одну фразу на идиш: «А данк айх вос Ир зайт геблибен идеен!» (*Спасибо вам, что вы остались евреями!*). И я услышала, как эту жалкую, не подходящую к случаю фразу передают и повторяют в толпе, словно чудесное пророчество. Наконец, еще через несколько минут, они дали такси уехать.

В гостинице все собрались в моей комнате.

Мы были потрясены до глубины души. Никто не сказал ни слова. Мы просто сидели и молчали. Откровение было для нас слишком огромным, чтоб мы могли это обсуждать, но нам надо было быть вместе.

Эйга, Лу и Сара рыдали навзрыд, несколько мужчин закрыли лицо руками. Но я даже плакать не могла. Я сидела с помертвевшим лицом, уставившись в одну точку. И вот так, взволнованно до немоты, мы провели несколько часов. Не могу сказать, что тогда я почувствовала уверенность, что через двадцать лет я увижу многих из этих евреев в Израиле. Но я поняла одно: Советскому Союзу не удалось сломить их дух; тут Россия со всем своим могуществом, потерпела поражение. Евреи остались евреями». (*Голда Меир, «Моя жизнь», стр.303—305*)

9

В 1948-м уже всем были известны методы и фашизма и черносотенного антисемитизма: они сулили книгам – костры, авторам – концлагеря.

Сталин сам был крайне озадачен яростью антисемитской нацистской пропаганды на оккупированной территории.

Было ли что-либо в Москве ранее, что-то вроде такой демонстрации? Вообще говоря, не могло быть. Вот же и сама Голда пишет: никто из евреев к ней не приходил на прием. При упоминании ее, имени в синагоге поначалу была полная

тишина... Самой сильной эмоцией, конечно же, был страх.

24 августа 1941 года в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха им А. М. Горького состоялся «митинг представителей еврейского народа».

И слово «народ», кстати, вопреки сталинской теории пригодилось. И выдающиеся имена – Соломон Михоэлс, Илья Эренбург, Самуил Маршак, или музыканты, те которые будут «засорять кадры консерватории» – Давид Ойстрах, Яков Флиер, Эмиль Гилельс – тоже пришлось ко двору.

В прежние годы из всего советского правительства с сионистами заигрывал один только Феликс Дзержинский, теперь вот хитрил Сталин...

Впрочем, все это скоро закончится. Всего было три митинга, третий прошел совершенно незаметно, даже не транслировался по радио. Сталин принялся решать «еврейский вопрос» глобально... Уже восходила звезда 38-летнего генерал-полковника Виктора Абакумова, палача по призванию... Видел кинофильм, в котором его хотели хоть как-то обелить. Повод для горького смеха...

Была еще акция, достойная удивления. Это случилось, за несколько месяцев до Победы 9 мая 1945 года, точнее 14 марта: молебен в память загубленных евреев в Холокосте...

В это же время в Иерусалиме собрался Всемирный совет раввинов. В Москву же съехались с разных городов Советского Союза. Московская синагога на улице Архипова

не могла вместить всех желающих, а их было более двенадцати тысяч человек – все еврейские знаменитости от Полины Жемчужиной до Леонида Утесова. Были и не евреи – пел Иван Семенович Козловский. В тот день синагога выручила огромную сумму денег, которая была передана в фонд послевоенного восстановления страны...

Такие молебны собирались еще несколько раз. И тоже вскоре прекратились...

Голда была упряма.

В беседе с заместителем министра иностранных дел Зориным (он ведал Ближним Востоком) Голда завела речь о том, что еврейская проблема может быть решена лишь путем широкой иммиграции евреев на свою историческую родину.

Зорин болезненную тему пропустил мимо ушей. Но после паузы все же сказал:

– Это не решение проблемы. Ну, разве что, евреи станут покидать Америку. В СССР навсегда покончено с этими проблемами...

Голда молчала.

Через десять дней – в Йом Кипур евреи снова окружили синагогу. И снова среди них была Голда.

Естественно, поход Голды и сотрудников посольства в синагогу скрыть не удалось. Сталин заволновался: во-первых, смущала какая-то мистическая тайна. Какие-то тени, которые стали реальностью.

Во-вторых вождь не мог понять, как это евреи, которым

он по существу дал Государство, оказались такими неблагодарными! Знал бы, что даже жена Клима Ворошилова – (в девичестве Голда Горбман) поразила своих родных, сказав: «Сейчас и у нас есть своя родина» (*Симон Себаг Монтефиоре, стр.610*). И он, к этому времени страдавший абсолютной подозрительностью и паранойей сделал вывод: «Все старое поколение заражено сионизмом. Сейчас они учат ему и молодежь».

И Сталин начал пропагандистскую атаку.

7 сентября 1948 года в газете «Эйникайт» была напечатана статья Льва Гольдберга с критикой сионизма и израильских лидеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.